

ЕВГЕНИЙ БАРАТИНСКИ (1800 – 1844)

Э Д А

Финляндская повесть

"Чего робеешь ты при мне,
Друг милый мой, малютка Эда?
За что, за что наедине
Тебе страшна моя беседа?
Верь, не коварен я душой;
Там, далеко, в стране родной,
Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты;
Я нежно, нежно дружен с нею,
И на нее похожа ты.
Давно... что делать?... но такая
Уж наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею;
Мечте моей но измени,
И мне любовь твою
Ее любовь напояни!
Мила ты мне. Веселье, муку –
Все жажду я делить с тобой,
Не уходи, оставь мне руку!
Доверься мне, друг милый мой!"

С улыбкой вкрадчивой и льстивой
Так говорил гусар красивый
Финляндке Эде. Русь была
Ему отчизной. В горы Финна
Его недавно завела
Полков бродячая судьбина.
Суровый край, его красам,

Е Д А

Финландска повест

Превод от руски – Светлозар Жеков

"Защо си плаха, не разбрах,
ти, моя скъпа, малка Еда?
Защо ти всеки път със страх
посрещаш нашата беседа?
Коварство знай, че няма в мен;
в страна далечна съм роден,
там имам аз сестра прекрасна,
която с доброта блести;
тя в нежна дружба с мен израсна,
на нея ми приличаш ти.
Отдавна бе... Уви! Позната
е на хусарите съдбата!
Не съм отдавна, Еда, бил
в дома си роден сред полята,
забравил съм лика й мил!
С лицето й, с душата нейна,
повярвай в моите мечти
и с любовта си чудодейна
спомни ми любовта й ти.
Жадувам с теб да бъда, мила,
и в лоши дни, и в дни добри.
Ръка ми дай, но не насила!
Докрай на мен се довери!"

С усмивка хитра и льстива
тъй на финландката красива
мълвеше младият хусар.
В горите фински от Русия
доведе го на полка стар
скиталческата орисия.
Суров и страшен, дивен край,

Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нем гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы:
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?
В доселе счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, власы златые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледно-голубые,
Подобно финским небесам.

День гаснул, скалы позлащая.
Пред хижиной своей одна
Сидела дева молодая,
Лицом спокойна и ясна.
Подсел он скромно к деве скромной,
Завел он кротко с нею речь;
Ее не мыслила пресечь
Она в задумчивости томной,
Внимала слабым сердцем ей, –
Так роза первых вешних дней
Лучам неверным доверяет;
Почуя теплый ветерок,
Его лобзаньям открывает
Благоуханный свой шипок
И не предвидит хлад суровый,
Мертвящий хлад, дохнуть готовый.

В руке гусара моего
Давно рука ее лежала,
В забвенье сладком, у него
Она ее не отнимала.
Он к сердцу бедную прижал;
Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал.
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах,
И наконец в таких словах
Ему финляндка отвечала:
"Ты мной давно уже любим,
Зачем же нет? Ты добродушен,
Всегда заботливо послушен
Малейшим прихотям моим.

пред теб захласват се очите!
Скалисти планини безкрай
са падали връз планините;
до небесата чак блестят
синеешите им грамади;
там борови гори шумят
и се изливат водопади;
в дола не ще се спреш засмян –
с гранитна лава е облян;
с глава, покрита с мъх печален,
над него като страж подпрян
стърчи гранит пирамиден.
Навред – прастари планини.
И мислиш си сред тях навлезнал:
не са ли туй развалини –
следи от древен свят изчезнал?
В щастливо глухото селце,
момиче най-обикновено,
със красота, с добро сърце
блестеше Еда неизменно.
Сред тия планини една –
с пленяваща руменина
и с кръшен стан, с коси златисти
разсипани небрежно бе,
с очи като небето чисти,
като финландското небе.

На залез слънцето клонеше.
И в предвечерната тъма
с лице спокойно Еда беше
пред къщи седнала сама.
До нея скромно той приседна.
Поведе кротко реч сега,
а тя, изпълнена с тъга,
да го възпре не смее – бледна,
предала се на слабостта, –
тъй розата през пролетта
на първи лъч се доверява,
почувствала затоплящ лъх,
под ласките му разцъфтява
с така благоуханен дъх,
забравила, непредвидлива,
студа, способен да убива!

Но вече в силната ръка
отдавна нейната лежеше,
в забрава сладка, все така
безсилна тя пред него беше.
В прегръдка нежна я обви,
а тя, в началото смутена,
да го погледне разгневена
поиска мигом, но... уви!
Като сияйните простори
в очите грейна радостта.
Покорна тъй на обичта,
финландката му заговори:
"Любов отдавна в мен гори.
Защо не? Ти си добродушен,
загрижен, винаги послушен
и на капризите дори.

Они докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя.
Ты мне любезен: не всегда ли
Я угождать тебе спешу?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила.
Что ж? Я и в этом погрешила:
Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы,
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь".
"Я твой губитель, Эда? я?
Тогда пускай мне казнь любую
Пошлет небесный судия!
Нет, нет! я с тем тебя целую!"
"На что? зачем? какой мне стыд!" –
Младая дева говорит.
Уж поздно. Встать, бежать готова
С негодованием она.
Но держит он. "Постой! два слова!
Постой! ты взорами сурова,
Ужель ты мной оскорблена?
О нет, останься, миг забвенья,
Минуту шалости прости!"
"Я не сержуся; но пусти!"
"Твои взор исполнен оскорбленья,
И ты лицом не можешь лгать;
Позволь, позволь для примиренья
Тебя еще поцеловать".
"Оставь меня!"

"Мой друг прекрасный!

И за ребяческую блажь
Ты неизвестности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!
И такова любовь твоя!
Друг милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не верю я!"

И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула.

Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромной,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызанием таким
Владеет хладное искусство!

А с тях аз често ти досаждам.
Обичаш ме, аз не греша
и съм с признателна душа.
Ти скъп си ми – да ти угаждам
не бързам ли аз всеки път?
Цветя, щом сутрин разцъфтят,
ти нося. И не се страхувах,
дори и пръстен ти дарих.
Щом весел бе, се веселих
и със тъгата ти тъгувах.
Сгреших, че другите не чувах:
предупреждавах ни те
да не дружим със вас, че сте
тъй злобни всички, вероломни,
погубвате девици скромни
и трябва да страним от вас,
че ще пропаднеш, щом се влюбиш;
и мислила съм често аз –
ти, може би, ще ме погубиш."
"Да те погубя аз? Жесток
нима съм? О, тогава нека
без милост ме накаже бог!
Поне ми дай целувка лека!"
"Недей! Защо? О, боже, срам!" –
девојката мълви едвам.
Тя да побегне е готова
и гняв в очите ѝ блести.
Но той задържа я отново:
"Почакай! С мен си тъй сурова,
нима си оскърбена ти?
О, Еда, нека е простена
и тази волност. Остани!"
"Прощавам ти, но ме пусни!"
"Не, ти си още оскърбена –
аз по лицето ти разбрах.
Но ако вече си смирена
ще те целуна пак без страх."
"Недей!"

"Приятелко прекрасна!

Нима за чистия копнеж
на неизвестността ужасна
без жалост ще ме предадеш?
И болката ми не разбрала?
Нима това е любовта?
Целувка щом не би ми дала,
не вярвам аз във обичта!"

С въздишка бедната отвърна
и скривала допреди миг
прекрасния си нежен лик,
към него бавно се обърна.

О, как той сам се овладя!
С какво спокойствие огромно
и някак бавно, сякаш скромно,
с целувката си как успя
да влее палещото чувство
в невинната ѝ млада гръд!
Целувките му как горят,
как знае хладното изкуство!

Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь, полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе сновиденья,
Тебе неизвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.
На камнях розовых твоих
Весна игриво засветлела,
И ярко-зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладою душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится, –
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай, и в дол прекрасный
Не приходи, а сверх всего –
Беги гусара твоего!

Уже пустыня сном объята;
Встал ясный месяц над горой,
Сливая свет багряный свой
С последним пурпуром заката;
Двойная, трепетная тень
От черных сосен возлегают,
И ночь прозрачная сменяет
Погасший неприметно день.
Уж поздно. Дева молодая,
Жарка ланитами, встает
И молча, глаз не подымая,
В свой угол медленно идет.

Была беспечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то девичья беседа;
Она приветно и светло
Когда-то всем глядела в очи, –
Что ж изменить ее могло?
Что ж это утро облекло,
И так внезапно, в сумрак ночи?
Она рассеянна, грустна;
В беседах вовсе не слышна;
Как прежде, ясного привета
Ни для кого во взорах нет;
Вопросы долго ждут ответа,

Ах, Еда, Еда! За какво
в това тъй дълго мигновение
от пламенното тържество
отпи щастливо упоение?
Сега в душата ти звучи
на непозната страст прибой
и вече на съня в покоя
не ще затвориш ти очи.
И ще сънуваш все неясно
тъй непонятните неща,
в постелята ти през нощта
ще бъде вече странно тясно.
А пролетта навън дори
и по скалите се познава –
мъхът зелен по тях искри
и птичка весело запява;
и тича по гранита сив
поточе със вода сребриста,
гората пък с прохлада чиста
облъхва целия масив.
А там, зад хълма, дол се крие –
с цветя е целият застлан
и аромат като тамян
из въздуха лъчист се вие.
За теб е страшно с нежността
вълшебството на пролетта!
Не слушай птици сладкогласни!
Не бързай, станала от сън,
към утринния хлад навън!
И на поляните прекрасни
не идвай, Еда, ти. Уви –
докрай хусаря забрави!

Потънаха пак в сън горите
и грейна язната луна,
разляла бледа светлина
ведно на залеза с лъчите.
И с двойни сенки пак трептят
елите сред гората здрачна,
и пада леко нощ прозрачна,
щом бавно тръгва си денят.
Но късно е. Ръце преплела,
тя става с пламнали страни
и мълчаливо, поглед свела,
към къщи бавно пак ситни.

Безгрижно, весело цъфтя
преди добрата малка Еда.
И вдъхваше най-често тя
живец в моминската беседа;
с добри, приветливи очи
очите срещаше щастливо, –
какво душата й вгорчи?
Какво внезапно помрачи
дори и утрото красиво?
И, скрита в своята тъга,
безмълвна сякаш е сега;
приветен поглед тя не спира
на никого в очите днес;
въпросите ли не разбира,

И часто странен сей ответ;
То жарки щеки, то бесцветны,
И, тайной горести плоды,
Нередко свежие следы
Горючих слез на них заметны.

Бывало, слишком зашалит
Неосторожный постоялец, –
Она к устам приставит палец,
Ему с улыбкой им грозит.
Когда же ей он подарит
Какой-нибудь наряд дешевый,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать к матери бежит,
Меж тем его благодарит
Веселым кпиксом. Шаловливо
На друга сонного порой
Плеснет холодною водой
И убегает торопливо,
И долго слышен громкий смех.
Ее трудов, ее утех
Всегда в товарищи малюткой
Бывал он призван с милой шуткой.
Взойдет ли утро, ночи ль тень
На усыпленны холмы ляжет,
Ему красотка "добрый день"
И "добру ночь" приветно скажет.

Где время то? При нем она
Какой-то робостию ныне
В своих движеньях смущена;
Веселых шуток и в помине
Уж нет; незначащих речей
С ним даже дева не заводит,
Как будто стал он недруг ей;
Зато порой с его очей
Очей задумчивых не сводит,
Зато порой наедине
К груди гусара вся в огне
Бедняжка грудью припадает,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
К его лобзаньям обращает;
А в ночь бессонную, одна,
Одна с раскаяньем напрасным,
Сама волнением ужасным
Души своей утрачена,
Уныло шепчет: "Что со мною?
Мне с каждым днем грустней, грустней;
Ах, где ты, мир души моей!
Куда пойду я за тобою!"
И слезы детские у ней
Невольню лютуют из очей.

Она была не без надзора.
Отец ее, крутой старик,
Отчасти в сердце к ней проник.
Он подозрительного взора
С несчастной девы не сводил;
За нею следом он бродил,

но отговаря без адрес;
ту пламне, ту пък преbledнее,
на мъка скрита от преди
се виждат свежите следи
от сълзите, които лее.

Тъй случваше се, че дори
и той с шегии да прекалява, –
тя с пръст на устните застава,
с усмивката си го кории.
Щом някой път й подари
гердан или красива блузка,
към майка си тя в миг се спуска
подаръка да одобри
и с реверанс благодари.
Понякога пък шеговито,
когато спи той, за беда,
ще го напръска тя с вода
и ще побегне дяволито
със смях, останал да кънти.
Приятел в труд или в мечти
тя в квартиранта бе открила
и с него бе по детски мила.
Щом пламне изгревът червен
или луната се покаже,
приветливо тя "Добър ден"
и "Добър вечер" ще му каже.

Къде туй време отлетя?
Защо тъй странно е скована
и плаха в жестовете тя?
Дори и помен не остана
днес от шегите й безброй;
беседи с него не повежда,
враг сякаш й е станал той.
Но в миг от нашия герой
очи замислени не свежда
или с моминска тръпна жар
внезапно младия хусар
тя, бедната, с любов прегръща.
Докрай обзета от страстта,
самичка своите уста
към него, пламнали, обръща;
в безсънна треска през нощта,
сама, разкаяна негласно,
сама, с вълнение ужасно,
изтръпнала пред участта,
шепти: "Какво със мене стана?
По-тъжна съм със всеки час!
Покой в душата нямам аз!
Къде, о боже, да се дяна?"
И сълзи рони тя без глас,
над себе си съвсем без власт.

Но без надзор не беше Еда.
Баща й, строг, суров старик,
Сърцето й разбрал за миг,
със подозрение я гледа.
Предчувстващ идващи беди,
започна той да я следи

И подсмотрел ли что такое,
Но только молодой шалун
Раз видел, слышал, как ворчун
Взад и вперед в своем покое
Ходил сердито; как потом
Ударил сильно кулаком
Он по столу и Эде бедной,
Пред ним трепещущей и бледной,
Сказал решительно: "Поверь,
Несдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним недаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодя.
Худому выучит. Беда
Падет на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мне не дочь".
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды: "Что ворчать? –
Сказала с кротостию мать. –
У нас смиренная такая
До сей поры была она.
И в чем теперь ее вина?
Гресишь, бедняжку обижая".
"Да, – молвил он, – ласкай ее,
А я сказал уже свое".

День после, в комнатке своей,
Уже вечернею порою,
Одна, с привычною тоскою,
Сидела Эда. Перед ней
Святая Библия лежала.
На длань склоненная челом,
Она рассеянным перстом
Рассеянно перебирала
Ее измятые листы
И в дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошел он с пасмурным лицом,
В молчанье сел, в молчанье руки
Сжал на груди своей крестом;
Приметы скрытой, тяжкой муки
В нем все являло. Наконец:
"Долг от меня, – сказал хитрец, –
С тобою требует разлуки.
Теперь услышать милый глас,
Увидеть милые мне очи
Я прихожу в последний раз;
Покроет землю сумрак ночи
И навсегда разлучит нас.
Виною твой отец суровый,
Его укоры слышал я;
Нет, нет, тебе любовь моя
Не нанесет печали новой!
Прости!" Чуть дышуца, бледна,
Гусара слушала она.
"Что говоришь? Возможно ль? Ныне?
И навсегда, любезный мой!.." –
"Бегу отселе; но душой

и тайната разбрал май беше,
защото младият герой
видя веднъж как нервно той
напред-назад сърдит вървеше
и после, обладан от гняв,
по масата с юмрук корав
удари. И на Еда, цяла
трепереща и пребледняла,
внезапно каза: "Разбери!
С хусаря, Еда, зло те чака!
И не случайно все по мрака
се срещате. Сега дори
ти с радост слушаш негодя
на лошо да те учи. Зло
те чака! Ако е дошло,
аз много няма да се мая
и сам не ще се позоря –
не искам блудна дъщеря!"
На Еда сълзите изтрила:
"Кажу, защо гълчиш сега? –
продума майката с тъга. –
Тя, толкова добра и мила,
смирена бе до тия дни.
С какво сега се провини?
Виновна правиш я насила!"
А той: "Ти още я ласкай!
Аз казах своето и край!"

Измина ден и у дома,
когато вечерта настана,
със своята мъка неразбрана
бе Еда седнала сама.
Пред нея библия лежеше.
Глава подпряла тя с ръка,
разлистваше я все така
разсеяно и пак четеше
измачканите й листа.
И тъй – в сърдечна чистота
тя с мисълта си все летеше.
Той влезе с облачно лице,
до нея седна мълчаливо
и скръсти съкрушен ръце
в страданието си горчиво.
"О, Еда, дълг неумолим
ме кара да се разделим –
хитрецьт почна боязливо.
– Да чуя милия ти глас,
очите мили пак да зърна,
за сетен път тук идвам аз;
нощта земята с мрак обгърна –
тя днес ще раздели и нас.
Аз слушах как те укорява
баща ти гневен и суров.
Не! Няма моята любов
пак мъки да ти причинява!
Прости!" Тя, дишаша едва,
изслуша тръпните слова.
"Какво мълвиш? Нима раздяла?
Завинаги ли, скъпи мой!.." –
"Ще си отида – казва той, –

Останусь в милой мне пустыне.
С тобою видеть я любил
Потоки те же, те же горы;
К тому же небу возводил
С небесной радостью взоры;
С тобой в разлуке свету дня
Уже не радовать меня!
Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверяясь ей,
За миг летящий, миг прекрасный
Всю красоту грядущих дней.
Но слушай! Срок остался краткой:
Пугаясь ревнивых глаз,
Везде преследующих нас,
Доселе мельком и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На расставанье
Позволь, позволь иметь с тобой
Мне безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдут
И сном глубоким до денницы
Отяжелелые зеницы
Твои домашние сомкнут,
Приду я к тихому приюту
Моей любезной, – о, покинь
Девичий страх и на минуту
Затвор досадный отодвинь!,
Прильну в безмолвии печальном
К твоим устам, о жизнь моя,
И в лобызании прощальном
Тебе оставлю душу я".

Прискорбно дева поглядела
На обольстителя; не смела,
Сама не зная почему,
Она довериться ему:
Бедою что-то ей грозило;
Какой-то страх в нее проник;
Ей смутно сердце говорило,
Что не был прост его язык.
Святая книга, как сначала,
Еще лежавшая пред ней,
Ей долг ее напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижав ее: "Нет, нет, – сказала, –
Зачем со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрешений?
Еще ль, еще ль охотный слух
Склоню на голос искушений?
Оставь меня, лукавый дух!
Оставь, без новых угрызений".

Но вправду враг ему едва ль
Не помогал, – с такою силой
Излил он ропот свой, печаль
Столь горько выразил, что жаль
Гусара стало деве милой;
И слезы падали у ней
В тяжелых каплях из очей.

ала душата си аз цяла
оставям в чистия простор
на тоя край, сред планините.
Тук към небето вдигах взор
с небесно щастие в очите.
Без тебе дневният светлик
не ще ме радва нито миг!
На чувствата си роб, злощастно
погубих аз чрез любовта
за мигновение прекрасно
на дните бъдни прелестта.
Но чуй ме! Ще говоря кратко:
ревниво погледите нас
преследваха ни всеки час
и ние с теб потайно, рядко
се срещаме. Затуй смили
се над молбата ми гореща:
о, позволи ми, позволи
последна безметежна среща!
Щом мракът спусне се навън
и вкъщи всички уморени
в покой отпуснат се блажени
и потопят се в тежък сън,
ще се промъкна мълчаливо
при теб. О, забрави дори
страха момински ти и живо
с ключа досаден отвори!
И цял в безмълвие печално,
докоснал устните едвам,
в целуването ни прощално
душата си ще ти отдам."

С тъга въздъхна тихо Еда
и прелъстителю загледа;
защо, не знаеше сама,
да му повярва не посмя
тя днес. Опасността прозряла,
страхът обзел я беше в миг;
с душата си тя бе разбрала,
че бърби той на друг език.
Лежеше библията свята
и за дълга като преди
напомняше. И тя, горката,
притиснала я до гърди:
"Не, не, – прошепна в тишината.–
Защо тъй злобно, с лекота
използваш мойта простота?
Нима са малко прегрешения?
Или отново, цяла в слух,
ще се предам на изкушения?
Не, остави ме, подъл дух!
Не искам нови угрызения."

Врагът тъй бе го завладял,
че му помогна. С ропот стана
и своята горестна печал
тъй силно изрази, че жал
девойката добра обхвана
и тъй след миг я заболя,
че в тежки сълзи се обля.

И в то же время то моленья,
То пени расточал хитрец.
"Что медлишь? Дороги мгновенья! –
К ней приступил он наконец. –
Дай слово!" – "Всей душой тоскуя,
Какое слово дать могу я, –
Сказала, – сжался надо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!" Пылко, живо
Тут к сердцу он ее прижал.
"Я буду, жди меня!" – сказал.
Сказал и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиранный ужин разделя
С неприхотливыми родными,
Вошла девица в угол свой;
На дверь задумчиво взглянула:
"Поверь, опасен гость ночной!" –
Ей совесть робкая шепнула,
И дверь ее заложена.
В бумажки мягкие она
Златые кудри завернула,
Снять поспешила как-нибудь
Дня одеяния неловки,
Тяжелодышашую грудь
Освободила от шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Уж поздно, полночь; но ресницы
Сон не смыкает у девицы:
"Стучаться будет он теперь.
Зачем задвинула я дверь?
Я своенравна в самом деле.
Пушу его, – ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отселе".
Так мнит уж девица, и вот
С одра тихохонько встает,
Ко двери с трепетом подходит
И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось – вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: "Друг прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!"
И, от смятенья дух тая,
Полна неведомого жара,
Девица бедная моя
Уже в объятиях гусара.

Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда!
Заря багрянит свод небес.

Хитрецът със молби опита
и с упреци я натъжи.
"Побързай! Времето отлита! –
към нея той се приближи, –
Дай дума!" – "О, така съм тъжна!
Да дам и дума ли съм длъжна?
Ти днес ме съжали поне.
Та аз не се владея! Не!
Не зная нищо!" Страстно, живо
прегърна я, глава изви:
"Ще дойда, чакай!" – промълви
и тръгна той нетърпеливо.

Покри отново нощен мрак
поля и планини огромни.
Вечеряла смирено пак
и днес с родителите скромни,
тя бързо в стаята се скри
и във вратата се загледа:
"Опасен гост е, разбери!" –
прошепва съвестта на Еда.
Под ключ е нейната врата.
С хартийки меки после тя
нави къдриците в безреда
и дрехите и тоя път
захвърли като тежко бреме,
от тежко дишашката гръд
корсажа си успя да снее
и чака да слети сънят.
Но полунощ е; в своето ложе
тя да заспи съвсем не може:
"Ще чука той. И в тоя час!
Защо заключих всъщност аз?
Тъй своенравна ще ме види.
Не! Ще го пусна, – миг той с мен
ще бъде и след туй сломен
завинаги ще си отиде."
Така си мисли пак за зло
и от безсънното легло
пристъпва тихо до вратата;
резето плахо все така
докосва с трепетна ръка
и бавно дръпва си ръката,
но пак я приближава тя,
резето скръцва и кръвта
застива – във внезапен спазъм
се свива нейното сърце.
Тогава чуждите ръце
открехнаха вратата: "Аз съм!
Не бой се, Еда, отвори!"
С душа смутена тя откри,
че нещо странно я изгаря –
и миг не устоя дори
в объятията на хусаря.

Уви! Получи през нощта
така желаната победа:
да превъзмогнеш любовта
ти не успя, о, бедна Еда!
И ето – зазори навън.

Восторг обманчивый исчез;
С ним улетел и призрак счастья;
Открылась бездна нищеты,
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдясь пылающего дня,
На крае ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нет, нет, с тобой
Он не снесет разлуки злой;
Тебе все дни его и ночи;
Отец его не утрашит,
Он подозренья усыпит,
Обманет бдительные очи;
Твой будет он, куда жив...
Напрасно все; она не внемлет,
Очей на друга не подъямет,
Уста безмолвные раскрыв,
Потупя в землю взор незрящий;
Ей то же друга разговор,
Что ветер, бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор.

Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной"
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идет поспешно день за днем.
Гусару дева молодая
Уже покорствует во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит. То четой
Приемлет их в полдневный зной
Густая сень дубровы сонной,
То зазовет дремучий бор,
То приглашают гроты гор
В свой сумрак неги благосклонной;
Но чаще сходятся они
В долу соседственном, глубоком.
В густой рябиновой сени
Над быстро льющемся потоком
Они садятся на траву.
Порой любовник в томной лени
Послушной деве на колени
Кладет беспечную главу
И легким сном глаза смыкает.
Дух притаив, она внимает
Дыханью друга своего;
Древесной веткой отвевает
Докучных мошек от него;
Его волнистыми власами
Играет детскими перстами.
Когда ж подыметя луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе на одр его приемлет.

Възторгът литна, сякаш сън
и с него приказното щастие;
и пустота отвред пълзи,
и плащаш с горестни сълзи
за сълзите от сладострастие.
В изгряващия ден гориш
от срам; на ложето фатално,
глава навела, ти седиш.
Вдигни лицето си печално.
Не го отблъсквай, не тъжи –
без теб не ще да издържи.
Баща ти няма да го сплаши:
съмненията ще стопи,
бдителността му ще приспи
и дните идни ще са ваши,
и твой ще бъде до смъртта...
Напрасно! Сякаш не разбира –
в очите му очи не спира,
разтворила без звук уста
и с поглед сведен към земята.
Край нея думите летят,
тъй както вятър в планината
шуми безцелно всеки път.

Красавице, но колко дни
ти от предателя страни
в душата с мъка безотрадна?
При първия сърдечен зов
прости на нежната любов –
любов коварно безпощадна.

Тъй бързо времето върви.
След дни девойката смирена
съвсем пред него се преви.
Като сърна опитомена
навсякъде я води той
и ги приемат в тежък зной
ту гъста сенчеста дъбрава,
ту сънни борови гори
или прохладни пещери,
в които здрача ги сближава.
Но често те в дола дълбок
се спускат и подслон намират
над бързоструйния поток –
там сенчесто место избират
върху зелената трева.
Понякога в омайна сладост
на коленете й той с радост
поставя своята глава,
очи затваря и заспива.
А притаила дъх, попива
замаяна дъха му цял;
мухите с клонка тя отбива,
додето кротко е заспал
и със къдриците му гъсти
играе си със детски пръсти.
А щом звездите заблестят
и тоя край суров задреме,
тя бърза в скромния си кът
в постелята да го приеме.

Но дева нежная моя
Томится тайною тоскою.
Раз обыкновенною порою
У вод любимого ручья
Они сидели молчаливо.
Любовник в тихом забытии
Глядел на светлые струи,
Пред ним бегущие игриво.
Дорогой сорванный цветок
Он как-то бросил в быстрый ток.
Вздохнула дева молодая,
На Друга голову склоня.
"Так, – прошептала, – и меня,
Миг полелея, полаская,
Так на погибель бросишь ты!"
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое,
И на ресницах у нее
Невольно слезы навернулись.
Она косынкою своей
Их отерла и, веселей
Глядеть стараяся на друга:
"Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, статья может,
Я до разлуки роковой
Не доживу, господь поможет!"

Невинной нежностью не раз
Она любовника смущала
И сожаленье в нем подчас
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще он скучал
Ее любовию тоскливой
И миг разлуки призывал
Уж как свободы миг счастливый
Не тщетно!

Буйный швед опять
Не соблюдает договоров,
Вновь хочет с русским испытать
Неравный жребий бранных споров.
Уж переходят за Кюмень
Передовые ополченья, –
Война, война! Грядущий день –
День рокового разлученья.

Нет слез у девы молодой.
Мертва лицом, мертва душой,
На суету походных сборов
Глядит она: всему конец!
На ней встревоженный хитрец
Остановить не смеет взоров.
Сгустилась ночь. В глубокий сон
Все погрузилось. Унылый,
В последний раз идет он к милой.
Ей утешенья шепчет он,

Но таен страх непоносим
гнети девицата ми плаха.
Веднъж те на брега седяха,
в дола над ручея любим,
един до друг пак мълчаливо.
В забрава тиха заследи
хусарят светлите води,
пред него бягащи игриво,
и клончето разцьфнал глог
захвърли в бързия поток.
А тя, неопитна и млада,
въздъхна, наклони глава:
"Така и мен ти след това,
погалил ме ден-два с наслада,
ще ме захвърлиш на смъртта!"
И с незлобива красота
усмихна му се пак тъй близка,
но скръб я в миг преобрази
и от очите й сълзи
потекоха без тя да иска.
Но със забрадка ги изтри
и постара се тя дори
безгрижен, весел вид да има:
"Прости безумния протест!
Животът ми е сладък днес,
защото твоя съм любима.
И утре ти ще бъдеш с мен,
и занаяпред са дните много.
Съдбовния разлъчен ден
не ще дочакам, слава богу!"

С невинно нежния си лик
смущаваше го ежечасно
и угризения за миг
пробуждаха се в него властно.
Но често скука, за беда,
от любовта й го гнетеше.
Като щастлива свобода
мига разделен той зовеше.
И не напразно!

Шведът пак
мира не спазва и налита
на руския победен стяг,
в неравна бран да го изпита.
И ето, вече през Кюмен
войска прехвърля се гръмовна, –
война, война! О, идващ ден –
ден на раздялата съдбовна.

Изплака своето сърце
и с бледно, сенчесто лице
от подготовката им Еда
разбира: краят е това!
Хитрецьт даже без слова
не смее миг да я загледа.
И ето, в нощния покой
за сетен път с душа унила
отива днес при своята мила.
Напразно я целува той

Ее лобзае он напрасно.
Внимает, чувства лишена;
Дае лобзати сея она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь.
Они томительную нощь
В безмолвной горести проводят.
Уж в путь зовет сиянье дня,
Уже ретивого коня
Младому воину подводят,
Уж он садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стои, мутна очами.
Девица бедная, прости!
Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам...
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простерла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стенаньем смертной муки.

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставае головами,
Скалы чернеют за скалами.
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели.
Что с бедной девицей моей?
Потух огонь ее очей;
В ней Эды прежней нет и тони,
Изнемогае в цвете дней;
Но чужды слезы ей и пени.
Как небо зимнее, бледна,
В молчанье грусти безнадежной
Сидит недвижно у окна.
Сидит, и бури вой мятежный
Уныло слушае она,
Мечтая: "Нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Конца дождусь ли я иль нет?
Когда, когда сметеш ты, вьюга,
С лица земли мой легкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют
И на нее сугроб высокий,
Бушуя, ветры нанесут?"

Кладбище ест. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам,
Однообразные для взгляда;
Их (меж кустами чуть видна,
Из круглых камней сложена)
Обходит низкая ограда.
Лежит уже давно за ней

и утешава я безгласно.
Безчувствена за любовта,
милувките приема тя,
но безответно, безучастно.
И няма повече мечти...
Нощта мъчително почти
в безмълвна горест те прекарват.
На път зовет денят огрян
и вече коня оседлан
на воина готов докарват
и го възсяда той. А тя
стои пред своята врата
с тъга, стаена във очите.
Девоико хубава, прости!
В далечината път блести –
препуска той. Зад планините
да би го зърнала поне...
Тя, паднала на колене,
ръце повдигна към небето,
след него после ги простря
и чело във прахта опря
със стои разкъсващ й сърцето.

Скова потоците студът
и пак над стръмнините сиви
сред планините те висят
в огромни ледени масиви.
Изпод натрупалия сняг
тук-там с глави във висините
скали чернеят над скалите.
В мъгла вълнисто-сива
пак небето скри се. Засвистяха
виелици над всяка стряха.
Какво ли Еда сполетя?
Помръкна взорът чист.
И тя съвсем на Еда не прилича.
Как вехне тъжно в младостта
и как без укор се обрича!
Тъй бледа, не като преди,
тя в мъката си безнадеждна
все пред прозореча седи.
И бурята навън метежна
със безразличен взор следи
и мисли си: "При мен го няма;
животът ми така горчи!
Кога ли ще го облекчи
смъртта? И бурята голяма
следите ми ще заличи?
Кога, кога за сън последен
ще ме обгърне гробът мен?
И с преспи бели вятър леден
ще го засипва ден след ден?"

А гробището – кръст до кръст
и гроб до гроб околоръст –
неволно погледа потиска.
По края (вижда се едва,
обрасла с храсти и трева)
ограда се издига ниска.
Намери Еда тук смъртта,

Могила девицы моей.
И кто теперь ее отыщет,
Кто с нежной грустью навестит?
Кругом все пусто, все молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевелник шевелит.

ЭПИЛОГ

Ты покоришься, край гранитный,
России мочь изведаль ты
И не столкнешь ее пяты,
Хоть дышишь к ней враждою скрытной!
Срок плена вечного настал,
Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу.
Из-за утесистых громад
На нас летел свинцовый град;
Вкусить не смела краткой неги
Рать, утомленная от ран:
Нож иступленный поселян
Окровавлял ее ночлеги!
И все напрасно! Чудный хлад
Сковал Ботническия воды;
Каким был ужасом объят
Пучины бог седобрадат,
Как изумилися народы,
Когда хребет его льдяной,
Звеня под русскими полками,
Явил внезапною стеной
Их перед шведскими берегами!
И как Стокгольм оцепенел,
Когда над ним, шумя крылами,
Орел наш грозный возлетел!
Он в нем узнал орла Полтавы!
Все покорилося. Но не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов, петь ее.
Венком певца, венком героя
Чело украшено твое.
Ты видел финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строи.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

1824

отдавна легна тя в пръста.
И кой сега ще я подири,
кой с болка ще я навести?
Тук пустота отвред кънти
и само вятър тихо свири,
и хвойната едва трепти.

ЕПИЛОГ

Ти покорен си, край гранитен!
На Рус изпита пак мощта
и няма до отстъпи тя,
макар с вражда да си наситен!
Дойде денят на вечен плен,
но на народа паднал – слава!
Към свободата устремен
до край безстрашно се сражава.
От всяка виснала скала
над нас куршумен дъжд валя;
покой от финските селяци
не вкуси изранена рат
и често ножът им облят
бе в кръв от нейните биваци!
Напрасно беше! Чуден лед
скова Ботническия залив;
от ужас бе Нептун обзет.
Как изумиха се навред
в света народите, видели
как ледената стръмнина
на полковете под нозете
превърнала се бе в стена
на Швеция пред бреговете!
И как Стокхолм изтръпна цял,
щом, вдигнат мощно на крилете,
орелът руски полетял,
напомнящ онзи от Полтава!
И покориша се. Не аз
певецът, непознаващ слава,
за храбрите ще пея с глас.
Дете на музите и боя,
Давидов, ще запееш ти.
Венецът лавров на героя
върху челото ти блести.
Видя ти финските гранити,
с кръвта на храбрите омита,
че там воюва в славни дни.
Отново лирата хвани ти
и подвизите си спомни!

1824